

Заметив замешательство на лице Шэнь Хунвэня, Чжоу Тун мягко улыбнулся. Он поднялся из-за стола и протянул ему руку — ладонь слегка согнута, пальцы открыты для рукопожатия. Безупречный международный жест вежливости.

Шэнь Хунвэнь, получивший блестящее образование за границей и выросший в семье крупных промышленников, прекрасно знал правила этикета. Он тут же встал и протянул руку в ответ.

Прежде чем их ладони соприкоснулись, Чжоу Тун успел мимолетно осмотреть руку собеседника. Его догадка подтвердилась: у основания четырех пальцев Шэнь Хунвэня горели багровые отметины. Лишь мизинец пока оставался чистым, однако и на его среднем суставе уже проступал едва заметный, тусклый алый ореол. Стоит цветцу набрать силу, и он превратится в такое же зловещее пятно.

Чжоу Тун невозмутимо произнес:

— Позвольте представиться заново. Мое имя — Чжоу Тун. Как уже сказал Дуань Чжэн, моя семья владеет небольшим заведением. И это заведение... — он выдержал короткую паузу, и его улыбка стала еще шире, — занимается вещами, которые господину Шэнь, человеку с западным воспитанием и рациональным складом ума, могут показаться дикостью. И все же я надеюсь на ваше понимание. Моя лавка совмещает в себе услуги по настройке фэншуй, оценке антиквариата, гаданию, изгнанию нечисти и охоте на призраков. Проще говоря, это лавка Небесного наставника.

Чжоу Тун говорил не торопясь, мягким, вкрадчивым голосом, растягивая слова в едва уловимой, чарующей манере. Этот тон отозвался в душе Шэнь Хунвэня приятным, волнующим трепетом. Однако, когда до него наконец дошел смысл сказанного, молодой человек окончательно растерялся.

Он недоуменно повернулся к Дуань Чжэну:

— Он... он что сейчас сказал?

— Сяо Тун... — Дуань Чжэн бессильно закрыл лицо руками.

«Я так и знал! — обреченно подумал толстяк. — Сяо Тун разозлился! Но зачем же сразу выставять себя сумасшедшим и выпроваживать парня? Даже если из них не выйдет пары, можно ведь остаться друзьями! Семья Шэнь невероятно влиятельна, они ничем не уступают нашему клану. Связи с ними открыли бы любые двери!»

Дуань Чжэн мысленно вздохнул. Впрочем, удивляться не приходилось — в этом был весь Чжоу Тун. На первый взгляд он казался мягким, покладистым и скромным, но внутри него скрывался стержень, прочный и гибкий, как молодой бамбук. Он всегда жил по собственным законам и никогда не поступался принципами.

Пока Шэнь Хунвэнь в ступоре ждал объяснений, Дуань Чжэн пытался выдавить хоть слово, но язык словно прирос к гортани. Осознание того, что его одурачили, больно ударило по самолюбию Хунвэня. Вспыхнула обида, в памяти мгновенно всплыл бывший любовник, и в голове молодого господина словно что-то взорвалось. Раздосадованный, он указал пальцем на Чжоу Туна и рявкнул на друга:

— Так ты подсунил мне уличного шарлатана?! Дуань Чжэн, я же тебя предупреждал! Больше всего на свете я презираю лжецов! — слово «лжец» он буквально выплюнул с ненавистью.

Услышав столь грубые оскорбления в адрес Чжоу Туна, Дуань Чжэн мгновенно вскипел. Он резко поднялся, готовый отстаивать честь друга, но Чжоу Тун мягко, но крепко перехватил его за локоть, призывая к спокойствию.

На лице Чжоу Туна по-прежнему играла изысканная, вежливая улыбка. Нанесенная обида, казалось, ничуть его не задела. Он заговорил ровно и умиротворяюще, словно весенний дождь, смывающий дорожную пыль:

— Давайте сначала присядем. У меня есть к вам серьезный разговор, господин Шэнь. Я не мошенник, и ваша реакция излишне резка.

В этой улыбке крылось столько великодушия и тепла, что Шэнь Хунвэнь невольно почувствовал себя напроказившим ребенком перед любящей матерью. Гнев угас, уступив место хорошим манерам. Осознав, как грубо он себя повел, молодой человек смутился и послушно опустился обратно на стул.

— Скажите, господин Шэнь, — поинтересовался Чжоу Тун, — как давно вы носите этот Нефритовый писю на шее?

— Лет двадцать... или больше... — застигнутый врасплох, Хунвэнь растерял весь свой пыл и заговорил послушно, как под гипнозом.

И лишь ответив, он внезапно осознал: откуда этот парень вообще знает, что у него на шее висит амулет?! Ведь фигурка была надежно скрыта под одеждой!

Чжоу Тун понимающе кивнул:

— У мифического писю самец зовется «пи», а самка — «сю». Однорогий зверь приносит богатство и процветание, его называют Тяньлу — «небесное жалованье». Двурогий же служит для защиты от темных сил и зовется Бисе — «изгоняющий зло». Если я не ошибаюсь, ваш оберег именно двурогий.

Ошеломленный Шэнь Хунвэнь закивал, словно заведенная кукла. Сделав несколько судорожных движений, он запустил руку под воротник рубашки и вытянул наружу тонкий

шелковый шнурок. На ладонь легла искусно вырезанная из чистейшего изумрудного нефрита фигурка двурогого писю.

— Ваша головная боль — следствие ночных кошмаров, — продолжил Чжоу Тун. — И хотя эти видения лишают вас покоя, в самих снах пока еще не произошло ничего непоправимого. Я прав?

Глаза Шэнь Хунвэня расширились от изумления:

— Да... все именно так! Мне снится одна и та же женщина. Она просто стоит поодаль, кокетливо смеется и смотрит на меня. Но стоит ей сделать шаг навстречу, как я в ужасе просыпаюсь в холодном поту.

Происходящее казалось невероятным, но полученное на Западе рациональное образование упорно сопротивлялось мистическим бредням. Шэнь Хунвэнь тупо уставился на собеседника, начисто позабыв о недавнем лоске и светских манерах. И все же прагматичный разум искал логическое объяснение.

«Наверняка этот шарлатан разузнал все заранее! — убеждал он себя. — Купил информацию у прислуги или взломал мои медицинские карты. Мошенники всегда находят лазейки!»

Дуань Чжэн, наблюдая за этой сценой, понял: свидание провалилось с треском. Впрочем, после того как этот напыщенный индюк посмел обозвать Чжоу Туна шарлатаном, толстяк и сам бы не допустил их сближения. Растоптав собственную мечту выступить в роли свахи, Дуань Чжэн пошел на поводу у уязвленного чувства справедливости. Он залпом, совершенно не заботясь о манерах, осушил бокал красного вина и буркнул:

— Сяо Тун, скажи ему уже все как есть. Хватит тратить на него время!

Поведение друга вызвало у Чжоу Туна искреннюю улыбку. Покачивая головой, он подозвал официанта, попросил ручку и на обратной стороне лежавшего на столе меню из плотной бумаги аккуратно вывел свой номер телефона.

Почерк у него был изящный, уверенный и каллиграфически выверенный. Протянув карточку погруженному в раздумья гостю, Чжоу Тун мягко произнес:

— Понимаю, сейчас вам трудно разложить все по полочкам. Здесь мои контакты. Если решитесь — звоните в любое время. Что касается дела... я приеду по первому зову.

Улыбка Чжоу Туна стала еще теплее, а в глубине его темных глаз, похожих на ночное небо, отразились невидимые для обычных смертных искры. Там, в тайных глубинах зрачков, медленно и беззвучно скользили призрачные рыбы Инь и Ян.

Затем он повернулся к другу:

— У меня еще остались дела, так что я пойду.

Дуань Чжэн тут же вскочил со своего места:

— Подожди, я подвезу тебя!

Они быстро покинули заведение, оставив Шэнь Хунвэня в полном одиночестве. Тот продолжал растерянно сжимать в пальцах плотную бумажку с изящными цифрами.

«Что вообще сейчас произошло?..»

Нагнав друга на парковке, Дуань Чжэн засыпал его вопросами:

— Сяо Тун, зачем ты оставил ему свой номер? Каков наглец, а! Обозвать тебя шарлатаном... Тварь неблагодарная! Как же у меня горит! Глаза бы мои его больше не видели. Ты ведь не принял его слова близко к сердцу? — вдруг лицо толстяка исказила нелепая гримаса, и он с подозрением выдавил: — Постой... Сяо Тун, ты что, запал на него?

Чжоу Тун лишь рассмеялся, качая головой:

— Что за глупости ты несешь? С самого начала я видел в нем исключительно клиента. И надо признать... — он заговорщицки прищурился, и в его глазах снова вспыхнул озорной огонек, — клиент обещает быть крайне щедрым. Самая настоящая золотая жила.

Вернувшись домой и приняв горячую ванну, Чжоу Тун устроился в постели. Погода в городе А весной отличалась резкими перепадами: хотя затяжные зимние морозы отступили и днем становилось теплее, ночные часы все еще обжигали ледяной стужей. Включив кондиционер на обогрев, юноша укутался в мягкое одеяло и погрузился в чтение.

Книги он принес из комнаты своего отца, Чжоу Да. В них подробно описывались все пять даосских искусств: магия, медицина, астрология, физиогномика и гадание. Того, что успел передать ему таинственный дух, было явно недостаточно — практические знания требовали глубины, и Тун стремился жадно впитывать любую информацию.

Вдруг лежащий неподалеку Наконечник Бронзовой Алебарды ожил. С тихим стуком перекатившись на край тумбочки, он выпустил струйку темного тумана. Из узоров на древнем металле соткался смутный силуэт Лин Юаня. Покружив перед лицом юноши, дух глухо спросил:

— Ты столкнулся с Проклятием Десяти Дней?

— Да, — удивленно отозвался Чжоу Тун. — А у тебя отличный нюх на такие вещи.

Тень промолчала. Лишь спустя мгновение в воздухе растаяло его холодное и равнодушное слово:

— Ясно.

На теле Шэнь Хунвэня действительно лежало Проклятие Десяти Дней — страшный даосский сглаз, чей цикл завершался ровно за декаду. Число десять в эзотерике символизирует абсолютную полноту и завершенность.

Ритуал этого проклятия растягивается на десять дней. Каждые двое суток на жертву накладывается по одной печати. К исходу десятого дня, когда все пять темных клейм занимают свои места, их разрушительная сила высвобождается одновременно, не оставляя несчастному ни единого шанса на спасение.

Но подлинный ужас Проклятия Десяти Дней крылся в другом: после физической смерти живая душа покойного оказывалась запертой внутри этих пяти печатей. Жертва становилась вечным рабом колдуна, покорной игрушкой в его руках. И пока жив был сам заклинатель, несчастный дух не мог уйти в Преисподнюю, чтобы переродиться в колесе сансары.

Причины, по которым Шэнь Хунвэнь стал мишенью для подобного ритуала, лежали на поверхности. Обладая тонкими, женственными чертами лица, он от рождения нес в себе пассивную энергию Инь. К его счастью, мужское начало не позволяло этой силе стать абсолютной, да и освященный амулет на шее служил надежным щитом. Не будь этой защиты, бродячие призраки и оголодавшие демоны уже давно разорвали бы его душу на куски.

Багровые пятна, замеченные Чжоу Туном на ладони молодого господина Шэня, были теми самыми метками смерти. Обычный человек не разглядел бы их при всем желании, но для взора медиума они горели ярким пламенем.

Пятая, последняя печать уже почти сформировалась. Шэнь Хунвэню оставалось увидеть лишь один кошмар, чтобы смертоносный цикл замкнулся. И тогда даже боги не смогли бы вырвать его из лап неминуемой гибели.